

ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В статье на основе системного анализа уголовного наказания и его понятия указывается недостаток его определения в УК РФ 1996 г. и влияние на понимание социально-правовой сущности и механизма государственного принуждения в обществе.

В обстоятельной статье В.К. Дуюнова «Наказание в уголовном праве России - принуждение или кара?» утверждается: «Принуждение, насилие - не может быть сущностью уголовного наказания» [1. С. 62]. По мнению автора, «сущность наказания состоит в его свойстве быть материализованным выражением (формой) реагирования государства на акт преступного поведения виновного, формой осуждения, порицания виновного и совершенного им преступления. Иными словами, уголовное наказание является по своей сути не принуждением, а карой, оно служит одной из форм реализации кары - осуждения, порицания осужденного и совершенного им преступления. Следовательно, и определять уголовное наказание надо не через понятие «принуждение», а через понятие «кара» [1. С. 66].

Категория сущности служит для выделения в системе таких свойств и отношений, которые обуславливают другие ее свойства и отношения. Явление же — это свойство и отношения системы, обусловленные ее сущностью [2]. Логично поставить в этой связи вопрос: кара - это сущность (суть) наказания или одна из форм его реализации? Ведь сущность - является. Она без явления не имеет своего выражения, а явление, напротив, имеет свою форму и содержание, через которые и происходит обнаружение сущности через свойства и отношения. Не может быть спорным утверждение автора, что уголовное наказание - это форма реагирования государства на совершенное преступление и преступника. Правовая форма правового государства - основное, решающее средство воздействия на общественные отношения, однако полагать ее сущностью уголовного наказания (без указания на отношение) не представляется верным. Сущность - категория абстрактная, которая как философская категория соотносится с категорией «явление» - обнаружение сущности через свойства и отношения.

Явление, в свою очередь, существует в органическом единстве формы и содержания. Форму и содержание предмета, явления для уяснения сущности вещи необходимо отделять друг от друга, что происходит на определенном уровне теоретического мышления. Такой анализ необходим, поскольку содержание и форма взаимодействуют: изменение содержания влияет на форму. Но и сама форма может быть активна - влиять на изменение содержания. От такого взаимодействия, в конечном счете, может изменяться и сущность явления (предмета).

К. Маркс писал: «Ошибка заключается в том, что я воображал, будто материя и форма могут и должны развиваться отдельно друг от друга, и благодаря этому получил не реальную форму, а нечто вроде письменного стола с выдвигаемыми ящиками, в которые я насыпал песку» [3].

Форма - внутренняя структура, строение, связь и способ взаимодействия частей и элементов предмета и явления [4]. Из такого определения формы видна органическая связь формы и содержания в существовании предмета (явления).

В.К. Дуюнов пишет: «Принуждение - это один из признаков уголовного наказания, причем не главный, а

второстепенный, указывающий лишь на то, чем и как обеспечивается реализация функциональных возможностей наказания» [1. С. 62]. Второстепенный признак содержания, конечно, влияет на сущность явления (наказания), но не может ее определять. Поэтому логично, что автор исключает принуждение из содержания наказания как существенный признак. Но такая логика представляется ошибочной, поскольку автор должен доказать второстепенность принуждения в действительном существовании уголовного наказания.

Действительность существования - это не второстепенность как оценочная, субъективная категория. В системе отношений «государство - человек (личность)» имеются два объекта, которые связаны таким атрибутом материи, как движение. А последняя как категория всеобща, объективна, но не субъективна. Функция - это внешнее проявление свойств объекта в определенной системе отношений. Всеобщность такой функции (свойства) государства, как «принуждение», приобретает свою конкретную форму, в частности, в системе отношений под названием «уголовное наказание», не теряя, естественно, содержания (движение) в качестве принуждения [5]. Существование уголовного наказания благодаря своему свойству «принуждение» расширяет свое содержание за счет выявления других свойств другого объекта отношения - человека (личности) - «упрек», «порицание», «осуждение» и других, еще не выявленных наукой и жизнью свойств. Следовательно, «принуждение» в уголовном наказании - атрибутивный признак, т.е. существенный, а не второстепенный, как ошибочно считает В.К. Дуюнов.

Что такое принуждение? «Принуждать», согласно Толковому словарю В. Даля, значит «приневолить», «сильно заставить», «заставлять», «неволить», «вынуждать» [6]. Синонимами этого термина являются «насилие, сила, давление, нажим» [7]. Следовательно, обвинительный приговор - материальный носитель объективной формы принуждения, давления, «силового», нажима со стороны государства. С другой стороны, объективность приговора выражается и в том, что он обязательно объявляется, сообщается подсудимому. В наказании первичной (исходной, начальной) формой принуждения является обвинительный приговор.

Слова «принуждение», «упрек», «осуждение», «порицание» при фактическом использовании выражения «уголовное наказание» входят в состав «наказания» в качестве денотата (компонента). Следовательно, исходя из смысла слов «принуждение», «упрек», «порицание», «осуждение», они могут быть имманентны «наказанию», т.е. присущи, тесно связаны с наказанием, быть в определенных обстоятельствах свойствами «наказания», хотя сами по себе не тождественны в своих определениях. Следовательно, денотаты понятия «наказание» отражают его свойства. В целом имманентность свойств наказания основывается на свободе и воле человека как определяющих характеристиках его

существования. Слова «принуждение», «упрек», «порицание», «осуждение» имеют свое собственное содержание и смысл, а объективное юридическое содержание и соответствующий смысл они могут приобрести только в адекватной юридической форме - в форме обвинительного приговора - первой форме наказания, которое развивается далее с развитием содержания.

В данном случае правовая форма активна, она влияет на содержание, формирование свойств наказания. Благодаря обвинительному приговору происходит вторжение государства в свободу и волю преступника не по его желанию, а вопреки ему, т.е. принудительно. Последствия нарушения этой свободы и воли могут быть самыми разными, но насилие, сила, давление, нажим действительно существуют, осуществляются. Однако «упрек», «порицание», «осуждение» функционально также есть определенное вторжение, внешнее воздействие, нарушение свободы и воли человека. В таком случае, в чем же состоит отличие «принуждения» от «упрека», «порицания», «осуждения»?

«Приневолить» - одно из значений слова «принуждать», на которое указывает В.И. Даль. Но воля, говорил И.М. Сеченов, «не есть какой-то безличный агент, распоряжающийся только движением, - это деятельная сторона разума и морального чувства, управляющая движением во имя того или другого и часто наперекор даже чувству самосохранения» [4. С. 91].

Понятие «упрек» ограничивает деятельную сторону разума и морального чувства содержанием того, чем корят, а понятие «приневолить» - означает «действовать для изменения направленности воли и разума»; в доминанте «невольт» - «исключить» волю, «отрицать» ее. Если при упреке налицо существование того, чем корят, то при насилии, принуждении осуществляется функционирование (движение) к тому, что может быть в результате принуждения. Однако, функционально существуя в одной правовой форме, - наказание, упрек, порицание, осуждение сливаются с принуждением, а поэтому принуждение без упрека, осуждения, порицания существовать не может. Из нашей схемы видно, что «упрек» не может быть существенным свойством наказания (это не значит не быть свойством наказания в ряду других), он имманентен наказанию, но только по функции, как свойство. На основе единства функциональности появляется обманчивое основание существенности «упрека», «порицания», «осуждения» как признаков понятия уголовного наказания. Содержание «принуждения» подменяется функционированием «упрека», «осуждения», «порицания». Но такая «замена» ошибочна. Существование в правовой форме наказания «упрека», «порицания», «осуждения» без принуждения невозможно. «Порицание», «осуждение», «упрек» вне наказания может существовать без «принуждения» в уголовно-правовом смысле.

Принуждение, осуществляемое как процессуальная мера, например помещение подозреваемого в СИЗО, благодаря особой юридической форме (процессуальной), напротив, в отличие от уголовного наказания, исключает как элемент юридического содержания «упрек», «порицание», «осуждение», хотя помещение подозреваемого в СИЗО может им восприниматься как «упрек», «порицание», «осуждение». Следовательно, особая юридическая форма (процессуальная) влияет на

сущность принудительной меры, применяемой в СИЗО к подозреваемому.

Цель изоляции в СИЗО выступает системообразующим признаком содержания данной процессуальной принудительной меры. Эта цель влияет на все элементы ее содержания, в том числе и на внешние стороны ее содержания, в частности «принуждение». Поэтому физические параметры принуждения в СИЗО должны соответствовать сущности процессуальной меры, не противоречить ей. Во время помещения подозреваемого в СИЗО, в зависимости от условий содержания, подозреваемый может испытывать страдание (что чаще всего и происходит) от применяемого к нему принуждения, т.е. налицо действительное существование двух свойств наказания - принуждение и его следствие - страдание. Поэтому пребывание подозреваемого в СИЗО воспринимается им как наказание за предшествующее поведение, поскольку действительное содержание процессуальной формы противоречит ее сущности, которая не предполагает высокой степени тяжести конкретных условий жизни и быта в СИЗО, вызывающих страдание человека как определенное качество.

Представляется, что данное положение является важнейшим юридическим основанием для зачета времени пребывания подозреваемого в СИЗО в срок наказания, улучшения условий содержания лиц, находящихся в СИЗО и др. Следовательно, «принуждению» не всегда имманентны «упрек», «порицание». Но в «принуждении», имеющем уголовно-правовой характер, они фактически (онтологически) связаны, существуют как свойства принуждения. Напротив, процессуальная форма, как нечто действительное, предполагает отсутствие в своем содержании «упрека», «осуждения», «порицания», а конкретная процессуальная форма предполагает «принуждение» (помещение в СИЗО, естественно, включает психические, психологические реакции человека, которые, однако, по своей степени должны качественно отличаться от «страдания» в наказании).

В ст. 21 УК РСФСР 1960 г. указывалось такое наказание, как общественное порицание. Такое наказание, конечно, по содержанию не лишение свободы, но оно также есть принуждение; воздействует на виновного не материальными средствами, а идеальными (моральными, нравственными, этическими и т.п.), на его психическую, психологическую, духовную сферы свободы. Субъективные последствия такого воздействия - возможные нравственные, моральные тяготы преступника и др.

В действующем УК Голландии в ст. 9 предусмотрен такой вид дополнительного наказания, как опубликование приговора. Можно предположить (при известных условиях), что такое дополнительное наказание в конечном счете может иметь для осужденного существенные негативные материальные, психические, психологические, духовные последствия.

В УК РФ 1996 г. уголовное наказание определяется как «мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим кодексом лишении или ограничении права и свобод этого лица».

В.К. Дуонов в своей работе [1. С. 64-66] приводит глубокий этимологический и семантический анализ,

доказывая, что наказание и кара - это не синонимы, а кара - это не «боль», не «принуждение с целью вызвать страдание». По сути не приемлет определение слова «кара» в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля, который указывал, что «кара» - это «казнь, наказание, строгое взыскание» [б. С. 420]. Давая ответ на вопрос, что такое кара, автор пишет: «Если кара - осуждение, упрек, порицание виновному за содеянное, то уголовное наказание - это внешнее проявление кары (осуждения, упрека, порицания виновного), одна из форм, в которой кара реализуется. Кара - сущность, внутренний смысл уголовного наказания, последнее предназначение быть формой карательного воздействия на провинившегося в целях утверждения социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений» [1. С. 66].

Но внутренний смысл кары - это не только «упрек», «порицание», «осуждение» как свойство уголовного наказания, но также результат их функционирования - психическое, психологическое, духовное состояние осужденного, которое имеет качество - «страдание», а не просто тревога, переживание, различные отрицательные и положительные эмоции. Если сущность уголовного наказания - кара, то в логическом плане она представляет собой отношение (причинную связь), в частности, между свойствами («принуждение», «упрек», «порицание», «осуждение») - и их следствием («страдание»). Автор пишет: «На наш взгляд, спектр чувств, эмоций, переживаний у осужденного может быть гораздо богаче, чем только страдания, это и раскаяние, сожаления о случившемся, и стыд, и страх, и злость, и жалость и т.п.» [1. С. 67]. По его мнению, «упрек», «порицание», «осуждение» в уголовном наказании трансформируются в целый спектр различных чувств, эмоций осужденного. Но страдание - интегративное свойство наказания, и оно не находится в логическому ряду иных чувств, эмоций, переживаний осужденного, которое является и причиной, и результатом страдания (динамическая совокупность). Человек может страдать от стыда, страха, злости, жалости, упрека, порицания и т.п. «Страдание» в уголовном наказании как психическое, психологическое, духовное состояние - следствие взаимодействия материальных средств и идеальных. Поэтому если принуждение к страданию в наказании - это всегда кара (тем самым мы вносим определенный правовой смысл в понятие «кара»), то в обыденном представлении смысл этого можно связать с внешним свойством воздействия или внутренним - страданием. Страдать человек может и от кары «небесной», т.е. без внешнего материального воздействия, без внешнего вторжения в его свободу и волю.

В.К. Дуюнов пишет: «Уголовное наказание, как правило, связано с принуждением, но отнюдь не всегда и necessarily. Наказание возможно и без принуждения. Наиболее яркие тому примеры мы находим в литературе» [1. С. 62]. Однако понятно, что Р. Раскольников, герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», страдает от образов(!) «грядущего труда и страданий», а действия этих образов переживается им как «спасительные средства, побуждающие к раскаянию и заглажению прошлого». Но все это - психический, психологический, духовный феномен. Содержание мыслей и чувств героя романа доказывает, что человек может сам себя осудить, порицать,

упрекать, страдать от этого и видеть в этом «спасительные средства, приносящие радость». В обыденном смысле данное состояние мы можем называть карой, наказанием. Но правовой смысл наказания определяется не только страданием, а государственным принуждением к страданию.

Страдание - эйдетическое состояние, но оно не постоянно и может поэтому переживаться как отношение. Одной стороной такого отношения может быть государственное принуждение, но может быть и Бог, Аллах. Последнее связано с религиозным сознанием, которое, минуя смысл сущности государственного принуждения, генерализуется страданием.

Кара - синкретическое слово. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Названия неожиданно возникают перед нами, заполняют наш слух при том, что сами вещи или названные, чрезвычайно далеки от нас и, возможно, никогда не появятся в пределах нашей видимости, оставаясь скрытыми за горизонтом. ... Действительно, слово - это извещение о предмете и обещание его, оно немного сам предмет. И вовсе не так уж много экстравагантного, как кажется, в теории эскимосов, согласно которой человек состоит из трех элементов: тела, души и... имени... Не забывайте еще и это: "Где двое или трое собраны во имя мое, так и Я посреди них" (Евангелие от Матфея, гл. 18,20)» [8].

Кара - слово, в котором много смыслов и значений как рациональных, так и иррациональных (метафизических); его существование напрямую связано с «космологической проблемой зла и страдания» (П. Новгородцев). Н. Кристи писал: «Чтобы постичь существование боли, нужно понять суть добра и зла. Я воздерживаюсь от такого рода попыток» [9].

Из богатой этимологической и семантической истории существования слова «кара» можно извлечь те или иные смыслы и значения, конкретизируя их в определенном историческом периоде. Вместе с тем на протяжении веков в юридическом значении так или иначе уголовный смысл слова «кара» связывался учеными с принуждением к страданию, т.е. наказанием.

Вероятно, В.К. Дуюнов прав в том, что слова «наказание» и «кара» не синонимы, хотя достаточно очевидна их генетическая связь. Прав он и в том, что «специфического понятия "уголовная кара" в теории не выработано». Прямая связь термина «кара» с «космологической проблемой зла и страдания» объясняет отсутствие в теории уголовного права однозначного определения понятия «уголовная кара». Однако такой недостаток теории совсем не означает, что из многих исторических смыслов и значений термина «кара» в настоящее время исчезли онтологические и гносеологические основания для отражения принуждения и страдания в понятии «уголовное наказание».

В.К. Дуюнов ошибается, когда из этимологической, семантической истории терминов «кара», «наказание» выхватывает только некоторые смыслы и значения, оставляя другие «за бортом» анализа, поскольку они не вписываются его логику. Приданием «упреку», «порицанию», «осуждению» свойств органических оснований «наказания» автор нарушает принципы логики как всеобщей категории познания.

Возможно ли при нашем анализе наказания противопоставление понятий «принуждение» и «кара»? Не только возможно, но и необходимо, при условии, что:

1) мы берем только их рациональные смыслы;

2) последние взаимодействуют, образуя вместе с другими существенными связями и отношениями определенное «качество» под названием «уголовное наказание».

В отрыве друг от друга понятия «принуждение» и «кара» не могут претендовать на определение сущности наказания, поскольку в «каре» присутствует «принуждение», понимаемое как внешнее воздействие. Более того, при системном представлении о наказании еще необходим элемент, интегрирующий взаимодействие всей возможной совокупности элементов содержания, т.е. цели взаимодействия, в определенный социальный значимый результат. Субъекты конфликтного правоотношения (наказание) - государство и осужденный - уже представляют собой «элементарную» систему, где имеются два разнородных (в определенном отношении) элемента, составляющих основу структурных связей наказания и его состава [10. С. 6]. Следовательно, без анализа категории «состав наказания» невозможно выявить всю совокупность существенных признаков наказания, которые и составляют его правильное понимание.

Раскрывая содержание системной методологии, Д.А. Керимов пишет, что «всеобщее определение системы... должно включать такой набор характеристик, который позволил бы ориентировать любое системное исследование, во-первых, на обнаружение составных частей системной целостности; во-вторых, на выяснение специфических качеств каждой из частей; в-третьих, на аналитическое изучение связей отношений и зависимости частей между собой; в-четвертых, на обобщение частей в их качественной определенности и взаимодействии, раскрывающем свойства системы как единого целого; в-пятых, на познание функционального назначения роли и эффективности воздействия системы, каждой ее части на среду и обратного влияния среды на систему» [11].

М. Фуко писал: «Уголовное наказание - есть обобщенная функция, сопряженная со всем «телом» общества и с каждым его элементом» [12]. Действительно, наказание представляет собой определенное существование взаимодействия, которое имеет весьма богатое содержание. А без его структурирования, анализа элементов, их формы и содержания, функций, обусловленности трудно определить и с сущностью наказания. Следовательно, «соль» понятия - в определении взаимодействия интегральных связей.

В философском знании взаимодействие представляет собой процесс воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменения состояния, взаимопереход, а также порождение одного явления другим, их непосредственные или опосредованные, внутренние или внешние отношения или связи. Свойства того или иного явления могут быть познаны только во взаимодействии с другими [13].

Гегель писал: «Но наказание есть в то же время право преступника, имеющее основу в его действительной воле; именно потому, что совершением преступления как неразумного действия он преступает закон, определяющий наказание. Как уничтожение преступления наказание имеет в нем свои количественные и качественные мерки, требующие, впрочем, не внешнего соответствия между карой и виной, а равной стоимости их (внутреннего соответствия), т.е. стоимость вреда, причиненного преступле-

нием, должно определять стоимость лишения, производимого наказанием» [14].

А.А. Жижиленко, анализируя понимание наказания Ге-гелем, подчеркивает: «Таковы теории диалектического уравнения. Они верны, на сколько указывают основы наказания в органических потребностях человеческого интеллекта; они впадают в односторонность, приписывая этой основе исключительное существование; они впадают в ошибки и весьма близки к пантеизму и деизму, как скоро отнимают у выставляемых ими интеллектуальных основ кары значения органических потребностей неделимого или массы неделимых, и распускают их в бессодержательность понятия абсолюта» [15].

А.А. Жижиленко в своем размышлении не отрицает рациональный аспект кары «в диалектическом уравнении» как результат «органических потребностей человеческого интеллекта». Однако такой анализ он считает односторонним, поскольку у «интеллектуальных основ кары» есть еще и основы органические, т.е. онтологические, которые не определены, а благодаря этому переходят в «бессодержательность понятия абсолюта», т.е. Бога как «абсолютной идеи» (Гегель).

«Кара» имеет значение органических потребностей «неделимого или массы неделимых», а это и есть страдание как психическое, психологическое, духовное состояние, которое «напрямую» не переводится в рациональное, правовое поле размышлений.

«Вообще говоря, кары и награды - слепые силы. Они чисты и непорочны, как дева, но как за деву за них нельзя поручиться - какой они плод дадут. Характер этого последнего будет зависеть от того, от кого будут исходить санкции, против кого они будут направлены и какие цели достигаются ими. Если все эти условия положительны, то и плод может получиться хороший. Если они отрицательны - то и плод будет негодным», - писал П. Сорокин [16]. Автор в своих мыслях опирается на рациональные и метафизические «составляющие» смыслы кары и подчеркивает системообразующий момент кары - ее цели.

Рациональное содержание кары в наказании связывается с принуждением к страданию. Однако законодатель в УК РФ 1996 г. отказался от определения наказания через кару, но, естественно, оставил одну ее «составляющую» - принуждение, исключив субъективный элемент, связанный с последствиями принуждения, т.е. фактами психического, психологического и духовного характера, которые «расположены» в субъективной сфере объекта наказания - личности осужденного. Поэтому в действующем определении уголовного наказания важнейший признак его содержания отсутствует.

Принуждение (сила, насилие) и до юридических форм выступает как средство воздействия на человека, личность - творца общественных отношений - в силу органических свойств. Поэтому разработка понятия состава наказания дает возможность понять прежде всего юридическое содержание принуждения во всем богатстве связей этого процесса. Уголовное наказание, понимаемое как существование, — это не какая-то агрегация, механическое соединение тех или иных элементов, а функционирование санкций, что невозможно без определенного качества, т.е. соответствующего содержания взаимодействия субъекта наказания и объекта (личности), их сторон.

В таком случае, определяя сущность наказания, мы должны иметь в виду сложность так называемой объективной стороны наказания, которая включает не только принуждение, его виды и формы, но и психический, психологический, духовный характер последствий для личности виновного, т.е. то, что он действительно переживает в результате принуждения. Состав наказания как система - зеркальное отражение состава преступления, хотя, понятно, что по содержанию он существенно отличается от последнего.

Принуждение по определению есть лишение блага, а его следствием (одним из следствий) выступают страдания, боль, тяготы. Однако не всякое принуждение, насилие со стороны государства, применяемое к лицу, совершившему преступление, можно определить как уголовное наказание. Почему? Потому что переживание тягот, лишений как психическое состояние должно иметь качество «боли» (т.е. сильная тоска, сильное горе, сильный страх), а «боль» предстает как особое переживание, состояние, имеющее эйдетическую форму, как следствие, а не отношение к последствиям. Понятно, что определение «сильное» односторонне, оно неполно, поскольку не отражает субстанциональное психическое, психологическое, духовное содержание, «боли», «страдания». Но решение этого важного вопроса есть предмет наук психиатрии, психологии, клинической психологии и т.п., а введение такого содержания в правовое поле - задача науки права, которая решила подобную задачу в отношении понятия «преступление».

К.А. Сыч пишет: «М.Д. Шаргородский, справедливо утверждая, что уголовное наказание обладает свойством причинять преступнику страдание, вопреки логике своих рассуждений неожиданно включил его в содержание уголовного наказания. При этом он не обращал внимания на то неоспоримое обстоятельство, что страдание как психическое состояние человека может проявляться только в результате взаимодействия наказания и личности в процессе применения и исполнения уголовного наказания. Более того, нередко даже осужденные, отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы, не испытывают страданий по причинам, требующим специального анализа».

Если придерживаться позиций указанных авторов, то следует сделать вывод, что в отношении этих лиц уголовное наказание нельзя считать примененным и исполненным, поскольку не реализовано его основное содержание - страдание.

Видимо, нет смысла даже гипотетически предполагать, к каким отрицательным последствиям может привести ориентация судебной и уголовно-исполнительной практики на такое понимание уголовных наказаний» [10. С. 9]. В этой связи надо сказать, что при системном понимании уголовного наказания с его понятием нельзя обращаться без учета сущности такого понимания, т.е. того, что наказание — это взаимодействие, связь элементов, отношение.

Действительно, прав К.А. Сыч: страдание — психическое, психологическое, духовное состояние (свойство) человека. Но в системном понятии наказания и его юридическом определении (мысли, объективированной в формулировке) оно может существовать как отношение (совокупность отношений), как свойство (совокупность

свойств), как признак (совокупность признаков). Ведь понятие не факт, а мысль о факте, и правильное понятие должно в своих существенных признаках отразить действительное содержание явления (предмета, вещи).

М.Д. Шаргородский, включая в содержание наказания «страдание», не дает точного определения наказания, не показывает, в каком отношении понимается «страдание»: как признак мысли о наказании или как функция - внешнее проявление свойств (свойства) объекта в данной системе отношений. Если не «задано» отношение, то «страдание» может существовать как признак и как свойство применительно к тому или другому отношению. В «логосе», в разуме выражены в логическом аспекте (в отличие от психологически-феноменологического) одинаково вещание и вещь или, скорее, былина и былль [17].

«Страдание» включали в содержание уголовного наказания А.А. Пионтковский, В.Г. Смирнов, С.И. Деметьев и другие авторы. Такой же позиции придерживались русские классики уголовного права Н.С. Таганцев, И.Е. Фойницкий, Н.Д. Сергеевский. Вместе с тем следует обратить внимание на непоследовательность, противоречивость суждений некоторых авторов. Например, Н.Д. Сергеевский сначала утверждал, что причиняемое преступнику страдание не принадлежит к сущности наказания, а затем пришел к выводу, что наказание есть страдание. Н.С. Таганцев, утверждая, что уголовное наказание всегда является страданием, позже писал: «Необходимо отделить от наказания и нравственные муки, угрозы сести, испытываемые преступником, хотя бы они были столь велики, что для их прекращения он спешил бы отдаться в руки правосудия, чтобы выстрадать свою вину» [18], т.е. «муки» исключал из содержания наказания. Мнение А.Л. Ременсона (1959 г.), что сущностью наказания является «страдание», противоречит его высказыванию 1965 г.: «По отношению к внутреннему миру осужденных эти меры (карательно-воспитательные. - В.Ш.) выступают как объект восприятия, и эти восприятия не входят в содержание самих мер. Противоположный подход привел бы к тому, что содержание наказания и мер исправительно-трудового воздействия было бы субъективизировано и лишено всякой определенности» [19].

Выявленная непоследовательность, противоречивость суждений одних и тех же авторов по одному и тому же вопросу ставит проблему генезиса этих противоречий, проблему поиска их корней.

Как представляется, для правильного ответа на данный вопрос необходимо отчетливое понимание того, что наказание есть относительное понятие, а не безотносительное. Последнее отображает признаки предмета или класса предметов вне связи с другими предметами. В наказании же самим предметом является отношение.

А.И. Уемов пишет: «Вещь, характеризуемая отношением, в отличие от обычного свойства, рассматривается не как отдельная вещь и не как множество отдельных вещей, а как система элементов, каждый из которых предполагает остальные. Это единство, рассматриваемое как множественность. Учитывая эту специфику отношения, его можно отличать от остальных свойств. Но различие отношений не находит своего выражения в субъектно-предикатной структуре суждения. Оно является

содержательным моментом, который можно выделить лишь путем анализа предметов сопоставляемых суждений. Это и является причиной многочисленных недоразумений, связанных с обнаружением кажущихся нарушений законов логики в различных областях знания» [20]. Поэтому, отвечая на вопрос К.А. Сыча, необходимо правильно поставить проблему наказания. Можно мыслить наказание как правовое средство индивидуального воздействия, но можно думать о наказании как правовом средстве воздействия на общество, общественное сознание. Критерием разграничения этих понятий является «боль», «страдания»; и то и другое вместе с «принуждением» выступают в качестве объективной стороны наказания. Смыслы «боли», «страдания» и угрозы «болью», «страданием» отличаются, если они существуют как бы сами по себе, но фактически они существуют в предмете наказания как отношение, как множественность. Если в гносеологическом плане смысл «страдания» и смысл угрозы «страданием» можно разделить, то в онтологическом (бытийном) - невозможно (страдать можно и от угрозы страданием). При реализации наказания общество, общественное сознание не может страдать от боли как психического состояния, но в то же время оно испытывает на себе психическое, психологическое, духовное воздействие наказания как социально-правового средства.

В применении наказания как индивидуального правового средства, если в нем отсутствует «страдание» как психическая, психологическая составляющие, оно теряет свою действительность, реальность существования и превращается из наказания в неопределенную правовую форму принуждения, поскольку исчерпывается существованием объекта, принуждением, субъектом как элементов состава наказания. В конечном счете такое «наказание» выступает правовой формой намерения государства наказать виновного (естественно, для части осужденных), несмотря на то что некоторые объективные атрибуты наказания в действительности

существуют и реализуются. Вся деятельность по осуществлению некоторых атрибутов наказания скрывает отсутствие важнейшего сущностного свойства наказания. Неопределенная принудительная мера, конечно, имеет свои собственные психические, психологические, духовные параметры (содержание), свое действительное значение, эффективность, но это уже не есть уголовное наказание по существу этого понятия, а сам виновный на этом фоне - только средство обеспечения функции наказания - общего предупреждения.

В практике далеко не безразлично, испытывает ли осужденный страдание, тяготы от примененного наказания или не испытывает, потому что совершает преступление конкретная личность, человек, обладающий свойством страдать, которое может быть использовано государством и используется в правовых целях для их достижения.

Правильное понимание наказания и его применения совсем не предполагает механического соединения страдания с принуждением, хотя последнее весьма возможно, поскольку, в частности, психологическое состояние (нечто субъективное) связано с объективным (санкцией, видом и формой наказания, принуждением) имплицитно. Гуманность (как модальность) наказания определяется не устранением существенных свойств наказания, а культурой народа, качеством народа, экономикой, состоянием преступности, утверждением свободы личности как высшей ценности государства и общества.

В заключение статьи и сопровождающих размышлений о понятии, содержании наказания и его состава считаем возможным предложить определение уголовного наказания.

1. Наказание есть мера государственного карательного принуждения, имеющая целью восстановление социальной справедливости и предупреждение преступности в обществе.

2. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении и ограничении прав и свобод этого лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России - принуждение или кара? // Государство и право. 1997. №11.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. М., 2000. С. 475.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 9.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 646.
5. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М.: Центр юр. инфор., 2002. С. 11.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 1996. Т. 3. С. 431.
7. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1975. С. 418.
8. Х Ортега-и-Гассет. Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 241.
9. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 20.
10. Сыч К.А. Уголовное наказание как система. Рязань, 1995. С. 6.
11. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001. С. 244.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1983. С. 81.
13. Философский энциклопедический словарь. М., 1993. С. 81.
14. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 148-149.
15. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других важнейших средств. Петроград, 1914. С. 20.
16. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 218.
17. Ильенкова Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 119.
18. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1902. С. 957.
19. Ремонсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания осужденных: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 1965. С. 44.
20. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 57.

Статья представлена кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права и проблемной лабораторией по исследованию вопросов борьбы с рецидивной преступностью в Сибири Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 20 мая 2004 г.